Л. Я. Штернбергъ.

Культъ орла у сибирскихъ народовъ.

(Этюдъ по сравнительному фольклору).

О вѣрованіяхъ и культѣ сибирскихъ народовъ собрано довольно много матеріала. Правда, матеріалъ этотъ нуждается въ существенномъ пополненіи, а для многихъ народностей даже въ полномъ обслѣдованіи ихъ заново. Тѣмъ не менѣе уже и теперь сравнительная обработка этого матеріала, или хотя бы опыты такой обработки, могли бы дать много цѣннаго по цѣлому ряду историко-культурныхъ вопросовъ высокой важности и, во всякомъ случаѣ, подобная работа показала бы, въ какомъ направленіи добиваться пополненія уже имѣющихся матеріаловъ.

Какъ на яркій примѣръ укажу на такую крупную область сибирскаго культа, какъ шаманство, по которому собрано много матеріала. Чѣмъ больше мы знакомимся съ этимъ матеріаломъ, тѣмъ больше бросается въ глаза, на ряду съ индивидуальными отличіями, поразительное сходство не только въ основныхъ элементахъ, но и въ такихъ деталяхъ, которыя самостоятельнымъ происхожденіемъ у отдѣльныхъ народовъ объяснены быть не могутъ. Такія общія черты, вплоть до совпаденія иногда терминовъ частей шаманскаго обряженія или отдѣльныхъ дѣйствій шамана, несомнѣнно указываютъ либо на общій центръ происхожденія специфическихъ особенностей сибирскаго шаманства, либо на древнія культурныя связи между нынѣ очень отдаленными другъ отъ друга народами. Ясно, что опыты работы въ этомъ направленіи крайне важны. Необходимъ только осторожный методологическій подходъ къ подобнаго рода работамъ.

Дѣло въ томъ, что въ каждой области культуры мы находимъ троякаго рода элементы. Одни изъ нихъ — тѣ, которые можно назвать общечеловѣческими, элементы, которые могутъ вырабатываться у самыхъ различныхъ народовъ совершенно самостоятельно, въ силу тождества психико-интеллектуальной природы человѣка.

Такимъ именно образомъ можно объяснить универсальность такихъ, напримѣръ, культурныхъ категорій, какъ анимизмъ, шаманство, колдов-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

ство, или такіе соціальные институты, какъ экзогамія, родъ, половые табу и т. д. Сравнительное изученіе такихъ элементовъ очень важно для общей науки о культурѣ, но для этнической генетики или для исторіи общенія народовъ ничего дать не можетъ. Съ другой стороны, въ силу варіаціонности и различій въ условіяхъ среды, въ отдѣльныхъ мѣстахъ могутъ вырабатываться индивидуальныя особенности, нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся. Но подобныя совершенно индивидуальныя особенности, которыя не могутъ быть объяснены, какъ логическое развитіе какой-нибудь общечеловѣческой идеи или какъ продуктъ одинаковости условій среды, мы находимъ часто и у цѣлаго ряда отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ. Въ такихъ случаяхъ мы вправѣ видѣть слѣды стародавняго культурного общенія или генетическаго родства, но опять-таки только тогда, когда такія особенности представляютъ сходство не одной какой-либо чертой, которая можетъ быть результатомъ конвергентности, а цѣлымъ рядомъ деталей, представляющихъ комплексъ характерныхъ чертъ.

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду этотъ методологическій подходъ примѣнить къ одному частному, но очень интересному явленію, именно къ культу орла у сибирскихъ народовъ, явленію, которое представляетъ для насъ особенный интересъ по связи его съ фольклоромъ индо-европейскимъ.

I.

Культъ орла, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе универсальныхъ. Мы его находимъ у народовъ самыхъ различныхъ культуръ и самыхъ различныхъ расъ, наиболѣе удаленныхъ другъ отъ друга. Мы его находимъ и у дикихъ австралійцевъ, и у индѣйцевъ Америки, и у народовъ классической древности, и притомъ почти въ одинаковыхъ формахъ. Вездѣ орелъ ассоціируется такъ или иначе съ солнцемъ, то совершенно отождествляясь съ нимъ, то представляясь его хозяиномъ, и въ качествѣ такового творцомъ, верховнымъ божествомъ, либо священной птицей верховного божества, и, во всякомъ случаѣ, является благодѣтелемъ и покровителемъ какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ родовъ, птицей счастія и т. д.

Эта универсальность культа орла легко объясняется, помимо той общей примитивной психологіи, которая привела къ созданію культа животныхъ, специфическими особенностями этого исключительнаго пернатаго, которое до сихъ поръ сохранило за собою эпитетъ царя птицъ.

Огромная сила этого хищнаго пернатаго, дающая ему возможность уносить въ своихъ когтяхъ ввысь крупную добычу, въ глазахъ примитивнаго человѣка ставитъ его выше самыхъ крупныхъ хищниковъ сухопутныхъ, окружая ореоломъ всемогущаго существа. Съ другой стороны, несравненная

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

сила полета, уносящаго его въ недосягаемую высь, къ самому небу, страшный огонь въ его глазахъ, мечущихъ молніи, примитивному человѣку говоритъ о связи его съ солнцемъ, а, быть можетъ, самое поразительное для примитивнаго человѣка—это обычная неагрессивность орла[1] по отношенію къ человѣку, и это то превращало въ его глазахъ эту птицу въ благодѣтельное божество и покровителя человѣка. Наконецъ, въ культѣ орла, какъ въ культѣ нѣкоторыхъ другихъ перелетныхъ птицъ, играло роль совпаденіе прилета его съ наступленіемъ весны и отлета съ наступленіемъ осени, что̀ подало поводъ считать его существомъ вызывающимъ явленія временъ года. У цѣлаго ряда сибирскихъ народовъ, у гиляковъ, якутовъ, самоѣдовъ, чулымскихъ татаръ и т. д. мѣсяцъ мартъ называется мѣсяцемъ орла.

Эти-то всѣмъ очевидныя свойства орла и создали универсальное поклоненіе ему, связавъ его съ солнцемъ и верховнымъ божествомъ. Поэтому совпаденія, часто весьма близкія, въ воззрѣніяхъ на орла у самыхъ различныхъ народовъ не могутъ еще свидѣтельствовать о генетической или исторической связи между народами. Но въ то же время въ деталяхъ культа, въ миѳахъ мы находимъ комплексы отличительных особенностей и оттѣнковъ, которые характерны только для извѣстныхъ группъ народностей.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію особенностей этого культа у сибирскихъ народовъ. Наиболѣе полно и ярко комплексъ этого культа находимъ, какъ это ни странно, у самаго дальняго изъ урало-алтайскихъ народовъ, у якутовъ. До самаго послѣдняго времени мы и у нихъ объ этомъ культѣ имѣли очень скудныя свѣдѣнія, и только благодаря появленію въ печати «Орла по воззрѣніямъ якутовъ» В. М. Іонова[2], и нѣкоторымъ другимъ ранѣе появившимся работамъ, мы можемъ возсоздать комплексъ этого культа съ его общечеловѣческими и индивидуальными особенностями и сопоставить послѣднія съ таковыми же у другихъ народовъ.

Анализъ этотъ прежде всего покажетъ намъ, что, какъ это ни странно, комплексъ культа орла у якутовъ, изъ всѣхъ урало-алтайскихъ народовъ, ближе всего стоитъ къ самымъ дальнимъ изъ этихъ народовъ — къ финнамъ западнымъ.

---

[1] Только нѣкоторые представители орлиныхъ, какъ беркуты, иногда уносятъ и дѣтей, но это случается очень рѣдко, и такіе случаи объясняются, наоборотъ, мотивами высокой милости орла, особенной ихъ симпатіей. Слѣдуетъ замѣтить попутно, что причину обоготворенія крупныхъ хищниковъ вообще приходится объяснять ихъ неагрессивностью по отношенію къ человѣку, тамъ гдѣ человѣкъ самъ по отношенію къ нимъ аггресивности не проявляетъ.

[2] Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи, выпускъ XVI, 1913 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

II.

Анализируя воззрѣнія якутовъ на орла, какъ они выясняются по статьѣ г. Іонова и прекрасно переведенной имъ «Пѣснѣ о наступленіи года», приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Орелъ — хозяинъ и повелитель солнца. Власть орла надъ солнцемъ ярко рисуется въ слѣдующемъ пассажѣ изъ «Пѣсни о наступленіи года»:

«Когда онъ (орелъ) въ сторону бѣлаго свѣта
«шесть разъ клекча прокричалъ,
«густой туманъ отдѣляется, . . .
[изъ-за нижняго края взъерошеннаго темнаго лѣса]
«ясное солнце, величиною съ основаніе шестисаженнаго стога,
«плавно стало подниматься . . . (Op. cit., стр. 17).

Одного взгляда и крика орла оказалось достаточнымъ не только для того, чтобы солнце появилось изъ-за тумана, но чтобы оно появилось во всемъ могуществѣ своей великой силы («шестисаженнымъ стогомъ»). Эта яркая, реалистическая картина — отнюдь не метафора: она рисуетъ дѣйствительное воззрѣніе якута на орла, какъ на повелителя солнца. Ниже (пунктъ 4) мы увидимъ, какъ подъ именемъ аjы якутъ чтитъ въ орлѣ высшее божество свѣта и даже творца всей природы.

2) Орелъ — хозяинъ огня. Отчетливо видна эта роль орла въ обрядѣ высѣканія огня при лѣченіи накожныхъ болѣзней, которыя, по воззрѣніямъ якутовъ, *насылаются только хозяиномъ огня*. Этотъ-то обрядъ можетъ исполнять лишь лицо, ведущее свое происхожденіе отъ орла, очевидно, потому, что только такое лицо сродни хозяину огня (стр. 10).

То же представление находимъ въ финской миѳологіи, гдѣ орелъ, въ благодарность Väinämöinen'у, приноситъ людямъ огонь.

3) Орелъ — возродитель природы; якутскій Діонисъ. Это отъ его взгляда «сверкающими величиной съ красную чашку глазами, отъ троекратнаго *треніе* его острокрайняго, твердаго, какъ камень, клюва о свою ляжку, рогъ свирѣпаго мороза обламывается, жестокій морозъ отступаетъ; иней осыпается, старая хвоя слабѣетъ — разсыпается, солнце поднимается, приходитъ южный ветеръ, иглистый ледъ раскалывается, воды лѣсныхъ потоковъ слились вмѣстѣ, замерзшее растаяло, тридцатиспинный безстрашный годъ смѣнился» (стр. 17). Въ этомъ описаніи возрожденія природы силой орла мы видимъ и ту примитивную психологію, которая создала это воззрѣніе. Тепло родилось отъ троекратнаго *треніе* твердаго, какъ камень, клюва о могучую оперенную ляжку и отъ взгляда сверкающими (т. е. горящими)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

величиной съ красную чашку глазами, т. е. весеннее тепло — результатъ двухъ причинъ: 1) чисто механическаго дѣйствія (тренія) могучаго существа, подобно огню, производимому треніемъ рукъ человѣка и 2) отъ необыкновеннаго огня орлиныхъ глазъ.

Какъ возродитель природы, орелъ естественно, подобно Діонису, и богъ плодовитости. Къ нему обращаются безплодныя женщины съ молитвой о дѣтяхъ. Дѣти, рождающіяся послѣ подобныхъ молитвъ, рождаются, повидимому, при реальномъ участіи въ ихъ зарожденіи самого орла, ибо такія дѣти получаютъ названіе «рожденныхъ отъ орла» (стр. 7—8).

Въ финской миѳологіи кукушка, чередующаяся въ этой роли съ орломъ, своимъ куkованіемъ *вызываетъ плодородіе*[1], и чисто діонисіевы обряды умилостивленія кукушки (похороны и воскресеніе)[2] въ примитивнѣйшей формѣ сохранились еще у насъ в Великороссіи[2].

4) Орелъ—ajы: бу́квально творящій, творецъ. В. М. Іоновъ въ своей статьѣ воздерживается отъ анализа этого термина. Между тѣмъ, есть всѣ основанія думать, что терминъ этотъ нужно понимать именно въ смыслѣ «творецъ», — роль, какъ нельзя болѣе подходящая къ хозяину солнца, возродителю природы. Такъ, якуты Туруханскаго края, по сообщенію Н. В. Васильева[3], «господина свѣта, творца міра и людей называютъ Ajы тojoн», такъ же, какъ якуты, по словамъ Іонова, величаютъ орла, и, что особенно замѣчательно, этотъ Ajы тojoн, по тому же сообщенію, является творцомъ шамановъ, въ каковой роли, какъ увидимъ ниже, фигурируетъ орелъ и по Іонову. Далѣе, въ сообщеніи Васильева есть одна деталь, изобличающая природу Ajы тojoн'а: дѣти его — духи, обитающіе, какъ птицы, на вѣтвяхъ взрощеннаго имъ противъ его жилища священнаго дерева. На изображеніи этого дерева, изготовляемаго шаманами, размѣщены на вѣтвяхъ одноголовыя птицы, а на верхушкѣ двуглавый орелъ (тojoн кӧтӧр — господинъ птица), повидимому, изображеніе самого Ajы тojoн'а[4], ибо, какъ это увидимъ ниже, у другого народа Туруханскаго края, сосѣдей якутовъ, у енисейскихъ остяковъ, именно двуглавый орелъ, какъ и Ajы тойонъ у якутовъ, далъ людямъ шамановъ[5].

Какъ орелъ творитъ у якутовъ, мы видимъ (опять таки въ той же реалистической формѣ) изъ самой статьи В. М. Іонова, гдѣ орелъ *высиживаетъ яйца*, изъ которыхъ рождается избранный шаманъ (стр. 8). Мы находимъ, такимъ образомъ, здѣсь универсальный мотивъ творенія изъ яйца.

---

[1] Castren's Vorlesungen über die finnische Mythologie, стр. 201.

[2] Этнографическое Обозрѣніе, 1912 г. № 1—2. Ст. Похороны и крещеніе кукушки.

[3] Н. В. Васильевъ. Изображенія долгано-якутскихъ духовъ, 1910 г., стр. 18.

[4] Васильевъ, op. cit., стр. 17.

[5] Сборникъ Музея, т. II. 2, ст. В. И. Анучина, стр. 23.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

Замѣчательно, что именно въ наиболѣе родственной якутамъ миѳологіи, именно финской, мы находимъ миѳъ объ орлѣ — творцѣ въ наиболѣе опредѣленной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой же конкретной какъ у якутовъ формѣ. На колѣняхъ дѣвы Воздуха орелъ высиживаетъ 7 яицъ, шесть изъ чистаго золота, одно изъ желѣза. Высиживаніе вызываетъ въ дѣвѣ «жгучія» страданія, обжигающія ее до глубинъ мозга — нѣчто вродѣ родовыхъ схватокъ, и она роняетъ яйца въ море. Яйца разбились, но ни малѣйшая частица ихъ не погибла. «Изъ нижней части яйца образовалась земля, изъ верхней — сводъ небесный, изъ верхняго края желтка родилось солнце, изъ верхней части бѣлка — мѣсяцъ ночной, изъ пестрыхъ крапинокъ скорлупы родилась звѣздная рать, а изъ черныхъ пятнышекъ легкія облака. Дѣвѣ воздуха остается только дополнить твореніе, создать горы, заливы, берега, и, наконецъ, она рождаетъ Väinämöinen'a, перваго шамана. Тутъ мы видимъ орла въ полной роли творца и отца колдовства, шаманства[1]. Напомню попутно, что Калевъ, богъ, давшій свое имя странѣ Калевалы, былъ принесенъ въ страну въ клювѣ орла, и самъ онъ тоже орелъ.

Этимъ аналогія съ финской миѳологіей въ этомъ пунктѣ не ограничивается. Поразительно то, что якутскій терминъ аjы мы находимъ въ очень близкой формѣ и въ финской религіозной терминологіи, гдѣ величайшее божество неба Укко носитъ близкое названіе Аіjä, у лапландцевъ Аіjо, Аіjе. Что несомнѣнно говоритъ за тождественность обоихъ именъ, это то, что — какъ увидимъ ниже — финскій Аіjä, подобно якутскому Аjы, является родоначальникомъ шамановъ. Далѣе, собственно значеніе этого термина, по Кастрену, громъ (дѣдъ также)[2]. Этимъ же эпитетомъ «дѣдъ» и якуты въ молитвахъ обращаются къ орлу. Въ молитвѣ, приведенной у В. М. Іонова, женщина говоритъ: «О, орелъ, мой аjы, мой дѣдъ!»[3]. Кастренъ совершенно основательно (какъ это подтверждается и въ другихъ миѳологіяхъ) доказываетъ, что терминъ Аіjä, какъ и Укко, первоначально служилъ лишь почетнымъ эпитетомъ и только впослѣдствіи сталъ собственнымъ именемъ бога неба, и поэтому именемъ аіjä называютъ часто разныхъ dii minores и героевъ, какъ, напр., Väinämöinen'a. То же мы видимъ и съ терминомъ аjы у якутовъ, у которыхъ цѣлый рядъ чтимыхъ существъ, кромѣ орла, тоже часто величаются аjы, но это только, по выраженію Іонова, «изъ предосторожности» — эти послѣдніе никогда не смѣшиваются съ настоящимъ творцомъ аjы, въ каковомъ значеніи терминъ этотъ примѣняется

[1] Калевала, Руна 1, стихъ 270 и слѣд., 1-ое изданіе. Въ европейскихъ переводахъ Калевалы фигурируетъ вмѣсто орла просто птица (напр., пер. Herman Poul'я, по которому данъ перифразъ въ текстѣ), но это потому, что во 2-мъ изданіи Калевалы вмѣсто орла фигурируетъ утка, и поэтому переводчики избѣгаютъ точнѣе обозначить названіе птицы.

[2] Castren, Kleinere Schriften, 230, 232, и Vorlesungen, стр. 47.

[3] Op. cit., стр. 12.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

только къ орлу. Интересно, кстати, отмѣтить, что, когда говорятъ, напримѣръ, о такъ называемомъ бѣломъ шаманѣ, называя его аjы ojўна, то этимъ хотятъ сказать, что это шаманъ небеснаго солнечнаго существа — представленіе, совершенно тождественное съ финскимъ Аіjä Укко — небеснымъ божествомъ. Наконецъ, укажу, что въ монгольскомъ языкѣ Аіцга означаетъ хозяинъ грома, изъ чего можно заключить, что аjі для обозначенія хозяина грома общій терминъ въ урало-алтайскихъ языкахъ.

5) Орелъ — типичный тотемъ у якутовъ. Родъ, считающій своимъ тотемомъ (таңара[1] — покровитель) орла, называется тojон тӧрўттӑх — происшедшій отъ орла. Якуты, повидимому, представляютъ себѣ такое происхожденіе въ томъ смыслѣ, что орелъ-дўхъ фактически участвуетъ въ дѣторожденіи. Когда у безплодной женщины, послѣ молитвы орлу о дѣтяхъ, рождаются дѣти, то такія дѣти считаются дѣйствительно рожденными отъ орла (см. выше). Такъ какъ происхожденіе отъ орла, такимъ образомъ, связано исключительно съ женщиной-матерью, то орлы-тотемы (таңара) поэтому являются тотемами не отцовскаго, а материнскаго рода (iҷä ӯса), и замѣчательно, что каждый такой родъ имѣетъ обязательно своимъ таңара орла, что̀ совершенно согласуется съ представленіемъ объ орлѣ, какъ о творцѣ и божествѣ плодовитости и возродителѣ природы (см. выше).

Какъ тотемъ, орелъ неприкосновененъ. Убивать его — великій грѣхъ. Мертваго орла, какъ сородича и покровителя, необходимо похоронить, «поднять» его. Какъ тотемъ, орелъ «помогаетъ, спасаетъ», но и мститъ за обиды[3]. Ему, въ случаѣ необходимости, приносятъ жертвы, дѣлаютъ изображеніе, въ которое вселяется душа орла, и ставятъ его въ почетномъ углу въ юртѣ, принося ему жертвы[4].

Для орла, прилетѣвшаго къ дому якута, самый бѣдный человѣкъ не щадитъ своей послѣдней скотины, чтобы покормить своего благодѣтеля.

Въ тотемистическомъ почитаніи орла у якутовъ мы находимъ такъ же, какъ и въ другихъ тотемистическихъ культахъ, и элементъ *теофагіи*. Убившій нечаянно орла долженъ *съѣсть его всего*, кромѣ головы, при чемъ непремѣнно поджаривая его на угляхъ (не въ связи-ли съ представленіемъ объ орлѣ, какъ о хозяинѣ огня?). Странно, что столь опредѣленно выраженный и развитый у якутовъ тотемистическій культъ орла, весьма распространенный у многихъ первобытныхъ народовъ, особенно въ Америкѣ (перуанцы, между прочимъ, даже считали весь свой народъ происходящимъ

---

[1] Интересно отмѣтить, что въ обще-тюркскóмъ, напримѣръ, у алтайцевъ тäңäра — означаетъ именно солнечное божество.

[2] Іоновъ, стр. 7.

[3] Іоновъ, стр. 5, 7.

[4] Ibidem, стр. 4.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

отъ орла), констатированъ *пока* у другихъ сибирскихъ народовъ только въ немногихъ случаяхъ (см. ниже).

6) Орелъ — родоначальникъ и творецъ шамановъ. И въ этомъ случаѣ якуты совершенно *конкретно* представляютъ себѣ эту божественную функцію орла. По ихъ представленію, орелъ съѣдаетъ сӱр (душу) ребенка, предназначеннаго быть шаманомъ, уноситъ ее въ поле «съ солнцемъ и мѣсяцемъ» и тутъ, на спеціально взрощенной здѣсь священной березѣ, высиживаетъ яйцо, затѣмъ пробиваетъ его и спускаетъ вылупившагося ребенка въ желѣзную колыбель, стоящую у основанія дерева. Высиженный и воспитанный потомъ такъ называемой «мать-птицей», онъ становится аjы ojӱна — шаманомъ[1]. Мы увидимъ ниже, что и у другихъ сибирскихъ народовъ шаманство связано съ орломъ, какъ первоучителемъ и покровителемъ шамановъ.

Совершенно явственно это воззрѣніе и въ финской миѳологіи, гдѣ шаманы прямо называются «сыновьями небеснаго бога» Укко Аіjä[2], названіе котораго, какъ мы видѣли, столь близко якутскому эпитету орла — аjы. Центральный персонажъ финской миѳологіи, Väinö, столь интимно, какъ мы видѣли, связанный съ орломъ, какъ и его греческій тезка Панъ, в такой же мѣрѣ родоначальникъ шаманства, какъ и музыки и пѣнія. Его обычный эпитетъ «мудрый», по вѣрному указанію Кастрена, понимался исключительно въ смыслѣ искуснаго въ вѣдовствѣ, шаманствѣ. Всѣ подвиги Väinämöinen'a сводятся лишь къ актамъ волшебства. Всѣ его пѣсни въ сущности — шаманскія призванія, посредствомъ которыхъ онъ управляетъ явленіями природы Пѣніемъ создалъ онъ ту сосну, на вершинѣ которой онъ воздвигъ луну, а на вѣтвяхъ ея — Большую медвѣдицу. Отъ его пѣнія сотрясается земля, рушатся мѣдныя горы, валятся своды крѣпостныхъ башенъ.

7) Крайне важную черту съ точки зрѣнія сравнительной миѳологіи представляетъ то, что орелъ у якутовъ ассоціируется со спеціальнымъ священнымъ деревомъ, съ которымъ онъ неразрывно связанъ, именно съ березой (иногда вмѣсто березы фигурируетъ лиственница). Только на священной березѣ орелъ можетъ высиживать шамановъ. Интересную подробность объ этомъ священномъ деревѣ орловъ у якутовъ находимъ у В. Н. Васильева[3]: «При созданіи перваго шамана, Аjы Тоjонъ выростилъ у себя во дворѣ, противъ дверей своего жилища, священное дерево, тӱспӓт турӯ, съ восемью развѣтвленіями, на которомъ, между его вѣтвями, обитаютъ свѣтлые духи-люди, дѣти самого Творца. На землѣ же, одно-

[1] Іоновъ, стр. 8.

[2] Castren. Kleinere Schriften, 232.

[3] Изображенія долгано-якутскихъ духовъ, стр. 18.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

временно съ этимъ, Аjы Тojон выростилъ три дерева и, сидя у ихъ основанія, приготовилъ первому шаману всѣ камлальныя принадлежности и научилъ его, какъ нужно дѣйствовать на пользу человѣку въ борьбѣ его съ враждебными духами. Въ память этого, у каждаго шамана есть здѣсь, на земле, свое турӯ, шаманское дерево, которое вырастаетъ при призваніи его къ шаманству и падаетъ съ его смертью. Не тѣмъ является тӱспӓт турӯ у жилища Творца, которое никогда не старѣетъ и не разрушается». Судя по этому описанію, мы тутъ имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ міровымъ деревомъ или деревомъ жизни и познанія, столь извѣстнымъ изъ вѣрованій многихъ другихъ народовъ И мы увидимъ, далѣе, какую специфическую роль оно играетъ у урало-алтайскихъ народовъ Сибири.

Въ финской миѳологіи въ качествѣ дерева орла фигурируетъ, какъ и у якутовъ, священная береза, единственное дерево, которое герой Väinämöinön, послѣ очищенія Финляндіи отъ лѣсовъ, спеціально оставилъ. Такъ описывается это событіе во 2-ой рунѣ Калевалы: «Съ неба спустился орелъ, черезъ воздухъ прилетѣлъ онъ, чтобы посмотрѣть на это (на оставленную березу), и сказалъ такъ: «Почему ты, старый Вейнемейненъ, оставилъ стройную березу, одну только березу оставилъ стоять?». И отвѣтилъ Вейнемейненъ: «Потому оставлена береза, чтобы на ней отдохновеніе нашли птицы, чтобы могъ орелъ тутъ отдыхать, чтобъ пѣть могла священная кукушка». И сказалъ въ отвѣтъ орелъ: «Хорошо твое рѣшеніе, что священную березу оставилъ ты, какъ мѣсто отдохновенія птицамъ». Въ награду за это орелъ принесъ людямъ огонь. Въ эстонскомъ эпосѣ появленіе шаманства связано съ миѳическимъ дубомъ. Этотъ послѣдній былъ срубленъ героемъ, вышедшимъ изъ-подъ крыльевъ орла, и употребленъ для цѣлей творенія. Изъ послѣднихъ остатковъ его было сдѣлано жилище барда, который первый пріобрѣлъ магическую силу» [1].

Такимъ образомъ, священная береза, играющая такую важную роль в шаманствѣ якутскомъ, фигурируетъ и въ финской миѳологіи в связи съ Väinö, о которомъ мы говорили, что въ немъ слѣдуетъ видѣть не только перваго барда, но и перваго шамана.

III.

Нѣкоторыя изъ представленій якутовъ объ орлѣ (солнце—творецъ—возродитель природы, приноситель огня, орел и космическое яйцо, орелъ и шаманство, орелъ и міровое дерево) поскольку рѣчь идетъ не о комплексѣ и не о деталяхъ, можно считать общечеловѣческими, ибо каждое представленіе въ отдѣльности иногда встрѣчается у самыхъ отдаленныхъ другъ отъ

[1] W. T. Kirby, The hero of Estonia, L. 1895, v. I, p. 48.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

друга народовъ. Для примѣра укажу, что даже такой своеобразный мотивъ, какъ орелъ-шаманъ, мы находимъ у южныхъ австралійцевъ. У нихъ верховное божество Bunjel — орелъ, онъ же творецъ, персонажъ солнечнаго цикла, но въ то же время рисуется старцемъ, обладающимъ магической силой, шаманомъ.

При всемъ томъ такой полный комплексъ и съ такими специфическими деталями, какъ у якутовъ, приходится признать совершенно индивидуальнымъ. Тѣмъ болѣе поразительно, что этотъ комплексъ, мы находимъ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) не у ближайшихъ сосѣдей якутовъ, а у самыхъ далекихъ отъ нихъ представителей урало-алтайскихъ народовъ, именно у финновъ западныхъ, при томъ, какъ мы видѣли, даже съ этимологическими совпаденіями в эпитетахъ.

Принимая во вниманіе, что западно-финская миѳологія складывалась несомнѣнно подъ вліяніемъ индо-европейской, интересно, прежде всего, указать, какой комплексъ по культу орла даетъ миѳологія сѣверо-скандинавская и германская.

Здѣсь, несмотря на позднѣйшія осложненія миѳа, мы явственно видимъ основной сюжетъ: міровое дерево и орла в качествѣ не только богатворца, но и первоучителя колдовства, призыванія духовъ, врачеванія, и, наконецъ, что особенно интересно, въ качествѣ учителя кузнечества, какъ у якутовъ. Антропоморфированный, превратившись в Одина, творца боговъ и людей, в хранителя валгаллы, образъ орла раздвояется, продолжая существовать то рядомъ съ нимъ, то совершенно сливаясь съ Одиномъ и по имени.

Такъ, въ сѣверо-скандинавской миѳологіи, въ вѣтвяхъ мірового дерева, Yggdrasils askr, Одинъ пасетъ своихъ лошадей, но на томъ же деревѣ обитаетъ «многовѣдающій» орелъ, который воюетъ съ драконом, желающимъ уничтожить корни дерева. У корня этого дерева — питающій его священный ключъ, хозяинъ котораго Миморъ научилъ Одина колдовству и кузнечеству [1].

Но вотъ другая, болѣе ясная версія, гдѣ орелъ сливается со своей антропоморфной ипостасью. В качествѣ царя Валгаллы, Одинъ носитъ названіе орла (Qrn), над цитаделью его паритъ орелъ. Но тутъ уже исчезаетъ Миморъ, а онъ самъ, Одинъ — орелъ выступаетъ учителемъ колдовства, врачеванія, поэзіи, письменности (ibid, 342, 343). У Скандинавовъ мы его встрѣчаемъ съ титуломъ Saldrs fadir — отецъ колдовства. Интересно также отмѣтить, что у скандинавовъ міровое дерево, какъ и у сибирскихъ народовъ,

---

[1] Grundriss der German. Philologie v. H. Paul; B. III, Mythologie, v. Eugen Mogk, s. 305, 379.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

является деревомъ судьбы. У нихъ это представленіе воплотилось въ образѣ трехъ дѣвъ судьбы, *норнъ*, живущихъ подъ міровымъ деревомъ.

Одинъ — только разновидность того же Зевса и Юпитера съ ихъ священнымъ дубомъ, который въ южной Европѣ игралъ роль мірового дерева[1], и орлом, который сталъ ихъ священной птицей и эмблемой, но первоначально былъ праобразомъ самого Зевса и Юпитера.

А Зевсъ, в свою очередь, лишь преемникъ древняго Пана, первоначальнаго бога солнца, уступившаго своего орла Зевсу. А Панъ, съ другой стороны, подобно Одину-орлу, былъ богомъ *магіи* и богомъ *врачеванія*, каковымъ мы его видимъ подъ именемъ Ραιάν Ραιήων въ Иліадѣ Гомера, и богомъ музыки, какъ у финновъ. Шаманство у грековъ, какъ и у якутовъ, связано не только съ орломъ, но и съ міровымъ деревомъ.

Дубъ, какъ дерево-оракулъ, сообщающее жрецамъ лишь волю боговъ, отголосокъ болѣе древняго миѳа о первоучителѣ шаманства, орлѣ мірового дерева[2].

Міровое дерево, какъ и у якутовъ, въ связи съ солнцемъ-орломъ, фигурируетъ, какъ дерево судьбы. Оно ассоціируется здѣсь съ солнцемъ, какъ шаромъ или *колесомъ фортуны*[3].

Далѣе, якутскій миѳъ о принесеніи огня орломъ мы находимъ и въ Греціи въ миѳѣ о Pyrros'ѣ (Pyrros — огонь), сынѣ Ахиллеса, рожденномъ отъ орла.

У грековъ же находимъ и миѳъ о сотвореніи міра изъ яйца въ образѣ Хаоса, снесшаго «яйцо, сверкающее и бѣлое, какъ серебро», изъ котораго родился Космосъ.

Наконецъ, въ греческой миѳологіи орелъ, какъ и у якутовъ, является возродителемъ природы.

«Подобно Зевсу, орелъ обычно представляется приносящимъ свѣтъ, *плодородіе* и счастіе»[4]. Его антропоморфный образъ, сынъ Зевса-орла, Діонисъ, богъ злаковъ и возрожденія природы, часто рисуется птицей, а праобразъ Діониса, Таммузъ — обитатель мірового дерева (Sayce, the Religion of the Ancient Babylonians, 238).

Какъ поздно сохранился культъ самого орла въ южной Европѣ, можно видѣть изъ того, что въ римской арміи изображеніе орла разсматривалось,

---

[1] Ср. у Виргилія, Georg. 2, 291 и слѣд.: Aesculus in primis quae quantum vertice ad auras aethereas, tantum radice in Tartara tendit.

[2] Волшебная сила знаменитаго дуба въ Додонѣ была такова, что даже отдѣльные куски его, по отдѣленіи отъ дерева, сохраняли свою вѣщую силу. На суднѣ аргонавтовъ Аѳина водрузила шестъ, вырубленный въ рощѣ Додоны, который въ пути давалъ предостереженія и совѣты.

[3] Roscher, Lexicon, I, 1518, 1541, 1546.

[4] Gubernatis, Zool. Mythology, 196.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

какъ божество легіона. Оно хранилось въ особомъ ковчегѣ, и ему оказывалось поклоненіе. Чтобы выразить связь съ Зевсомъ и дубомъ, въ клювъ его помѣщали листъ дуба и золотой перунъ громовержца.

IV.

Европейская миѳологія, естественно, ведетъ насъ къ своему древнѣйшему источнику — къ индо-иранскому миѳу. В Ведахъ орелъ не только персонажъ солнечнаго цикла. Онъ само солнце. Въ Ведахъ оно такъ и называется орломъ — Garutmat (5,45[9]), оно — орелъ поднебесья (7,15[4]). Въ послѣ-ведійскій періодъ орелъ, подъ именемъ Гаруды, становится колесницей бога солнца, Вишну. Орелъ въ то же время и Агни, богъ огня, онъ же принесъ огонь на землю (1, 93[6]).

Подобно скандинавскому Одину, который въ образѣ орла приноситъ напитокъ безсмертія, такъ и индо-иранскій орелъ или Индра въ образѣ орла приноситъ (похищаетъ) тотъ же напитокъ — soma (иранское haoma). Но сома не просто напитокъ. Орелъ, принесшій напитокъ сома, есть самъ Сома[1], а Сома-орелъ — верховное божество, владыка всего сущаго (9,61[6]), праотецъ людей, и, что особенно для насъ интересно, — праотецъ шаманства «ясновидецъ среди жрецовъ» (9,96[6]), врачъ — исцѣлитель болѣзней[2], первый пѣвецъ и творецъ гимновъ (9,91[1]).

Орелъ — Сома или Haoma, по описанію въ Авестѣ, обитаетъ на космическомъ деревѣ, которое именуется «деревомъ орла съ „высокими исцѣленіями“, деревомъ всѣхъ исцѣленій, и на немъ сложены сѣмена всѣхъ растеній»[3].

Птица — обитательница этого мірового дерева, носитъ въ среднеперсидскомъ и современномъ персидскомъ названіе humā. Она рисуется — «самой величайшей среди орловъ, благороднѣйшей и великодушнѣйшей птицей самаго лучшаго предзнаменованія»[4].

Въ связи съ міровымъ деревомъ въ Индіи важно отмѣтить слѣдующее.

Въ памятникахъ древней Индіи есть терминъ для мірового дерева, гласящій aśvattha. Въ словарѣ Böttling-Roth'a этотъ терминъ переводится: Standort der Pferde — мѣсто стоянки лошадей [5]. Это болѣе чѣмъ странное соединеніе мірового дерева съ представленіемъ о стоянкѣ лошадей легко находитъ себѣ объясненіе, по моему мнѣнію, въ миѳѣ объ Одинѣ, который

---

1 Bergaigne. La Religion vedaique, I, 174.

2 Johnson. Oriental Religions, India, I, p. 100.

3 Annales du Musée Guimet. Zend Avesta, trad. Darmstetter.

4 Optimi augurii, Слов. Vullers (ст. 1472a).

5 На этотъ терминъ меня навелъ М. И. Тубянскій, онъ же сообщилъ мнѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ свѣдѣній, связанныхъ съ этимъ терминомъ, за что приношу ему свою глубокую признательность.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

пасъ своихъ лошадей въ вѣтвяхъ мірового дерева. Это получаетъ подтвержденіе въ самомъ названіи мірового дерева скандинавовъ: Yggdrasils askr, что̀ значитъ ясень коня Одина (askr — ясень, Ygg — одинъ изъ эпитетовъ Одина, drasil — лошадь).

Въ Индіи образъ этого мірового дерева еще во времена Асоки сохранялся въ видѣ священнаго фиговаго дерева, дерева Kâsyapa Buddha. Kâsyapa — луна, сома, отъ которой родился Гаруда,[1] и съ того времени каждый Будда, какъ въ Сибири каждый шаманъ, ассоціируется со своимъ особымъ деревомъ, такъ называемымъ bodhi taru, деревомъ мудрости, вѣдовства. Подъ такимъ деревомъ Гаутама усѣлся, рѣшивъ не вставать, пока не достигнетъ «совершеннаго знанія».

Культъ орла сохранился въ Индіи и Персіи и въ различныхъ обрядахъ. Въ Индіи перья орла служили для очищенія жертвоприносителя[2], а въ Персіи разбрасываютъ по полямъ перья праваго крыла орла для оплодотворенія.

Комплексъ: орелъ — солнечное божество, оплодотворитель, мірового дерево, магія и врачеваніе — мы находимъ и у народовъ двурѣчья Тигра и Евфрата, давшихъ древнѣйшій миѳъ о міровомъ деревѣ. Древнѣйшее божество Ассиро-Вавилона, Нингирсу, божество Солнца и Грозы, имѣлъ своей эмблемой орла, который считался покровителемъ и его стольнаго города Лагаша, и самъ онъ рисовался всегда крылатымъ[3]. Онъ же богъ плодородія, магіи, спеціально изгоняетъ болѣзни и всегда фигурируетъ въ заклинательныхъ формулахъ. Онъ же владыка небесныхъ предзнаменованій (Yastrow, II, 423).

Этими же шаманскими функціями надѣленъ и смѣнившій его богъ солнца, Мардукъ, «владыка искусства заклинаній». Нигдѣ не сохранился въ такой примитивной формѣ образъ орла, какъ оплодотворителя, притомъ въ связи съ космическимъ деревомъ, какъ именно у ассиро-вавилонянъ. Я имѣю въ виду извѣстный барельефъ съ изображеніемъ фиговой пальмы, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ двѣ антропоморфныхъ крылатыхъ фигуры съ орлиными лицами, держащія въ рукахъ шишковидный плодъ, которымъ оплодотворяютъ космическое дерево. Надъ деревомъ крылатый дискъ солнца. Это изображеніе, создавшее столь распространенный орнаментальный мотивъ дерева и двухъ птицъ по обѣимъ сторонамъ, фигурируетъ, кстати сказать, особенно широко у всѣхъ финскихъ народовъ.

Оставляя семитическій миѳъ, нельзя не упомянуть про Египетъ, гдѣ

---

[1] Cunningham, the Stûpa of Bharhut, табл. XV, гдѣ изображается это дерево съ 2 поклоняющимися слонами.

[2] Hillebrandt, Ritual litterature, 160.

[3] Yastrow. Die Religion d. Assyro-Babyl., II, 799; также таблица 18, фиг. 60.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

солнечное божество Горусъ отождествлялось съ орломъ, гдѣ миѳическій фениксъ, ставшій символомъ безсмертія, рисовался въ образѣ орла. Здѣсь, съ выдѣленіемъ особаго бога земли Кеба, роль орла, снесшаго космическое яйцо, перенесена была на гуся, птицу, играющую такую большую роль и въ народныхъ вѣрованіяхъ финновъ. Здѣсь же находимъ миѳъ о міровомъ деревѣ (столбъ Озириса, дерево богини Núît).

V.

Теперь перехожу къ тому, что намъ извѣстно о культѣ орла у сибирскихъ инородцевъ. Ученіе объ орлѣ, какъ о хозяинѣ солнца, о творцѣ и родоначальникѣ — тотемѣ, пока констатировано только въ немногихъ случаяхъ. У айну орелъ играетъ роль настоящаго божества и интимно связанъ съ солнцемъ. Самостоятельное божество, оно является у этого народа вмѣстѣ съ тѣмъ и посредникомъ между человѣкомъ и высшимъ божествомъ. Конкретное представленіе о воззрѣніяхъ айну на орла, какъ на творца, благодѣтеля и спасителя отъ болѣзней, даетъ слѣдующая въ высшей степени характерная молитва, обращаемая айну къ воспитываемому при домѣ орлу передъ убіеніемъ его: «О, драгоцѣнное божество, о ты, божественная птица, прошу, внемли моимъ словамъ. Ты не принадлежишь къ этому міру, ибо твой домъ тамъ, гдѣ творецъ и его золотые орлы. Когда придешь, собери божества твоего собственнаго рода и поблагодари ихъ за то, что управляли міромъ. Приди опять, прошу тебя, и правь нами. О мой единственный, драгоцѣнный, иди благополучно»[1]. Другой варіантъ того же обращенія къ орлу гласитъ[2]: «Когда ты придешь къ нему (къ своему отцу), скажи: „Я жилъ долгое время среди айну, которые, какъ отецъ и мать, взростили меня. Теперь я прихожу къ тебѣ. Я принесъ разныя хорошія вещи. Когда я жилъ въ странѣ айну, я видѣлъ много бѣдствій. Я видѣлъ, что нѣкоторые люди одержимы злыми духами, другіе ранены дикими звѣрями; иные пострадали отъ обваловъ въ горахъ, другіе потерпѣли кораблекрушеніе, а многіе одержимы болѣзнями. Люди подвержены большимъ бѣдствіямъ. Отецъ мой, услышь меня, обрати твой взоръ на айну и помоги имъ“. Если ты это сдѣлаешь, то твой отецъ поможетъ намъ».

Изъ другихъ сибирскихъ инородцевъ — насколько можно судить по имѣющимся пока даннымъ — только у бурятъ орелъ играетъ значительную роль въ теогоніи, и о немъ имѣется выработаннный циклъ миѳовъ, большинство которыхъ пока остается неопубликованнымъ. По мнѣнію Агапитова и Хангалова, орелъ — единственное животное, которое буряты почитаютъ божествомъ, хотя религіознымъ почитаніемъ пользуются еще и другія жи-

[1] Rev. J. Batchelor. The Ainu snd their Folk-lore, pp. 492, 493, 495, 496.
[2] Ibid., 438.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

вотныя[1]. По свидѣтельству В. А. Михайлова[2], личность орла-беркута считается священной и неприкосновенной, какъ потомка легендарнаго Эжина (хозяина) о. Ольхона — Ута саҕаҥ (высокій, бѣлый князь) и его жены Саксагä саҕаҥ хатаҥ (бѣлая княгиня Саксага), которые, не имѣя сыновей, усыновили трехъ беркутовъ. Эти послѣдніе сошли съ западнаго неба и были сыновьями царя птицъ.

Въ поэмахъ этотъ послѣдній всегда фигурируетъ въ видѣ величайшаго орла, сражающагося съ многоголовымъ ядовитымъ змѣемъ, выходящимъ изъ моря. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ орла, какъ у айну, среди категоріи небесныхъ божествъ, и въ то же время образъ его очень напоминаетъ индійскаго Гаруду, вѣчнаго воителя съ т. н. *нага*, а также орла скандинавской легенды, который обитаетъ на міровомъ деревѣ и воюетъ со змѣемъ, подрывающимъ корни дерева.

Въ связи съ якутскимъ миѳомъ о желѣзной люлькѣ, въ которой орлы выкачиваютъ шамановъ, интересенъ слѣдующій эпизодъ, сообщаемый тѣмъ же лицомъ относительно момента рожденія дѣтей орловъ у ольхонскаго Эжина. «Сойдя съ неба на землю, говоритъ В. А. Михайловъ, три беркута воплотились въ жену Эжина и снова родились. Будучи положены въ люльку, они, разломавъ на куски *желѣзную люльку*, разбивъ вдребезги деревянную люльку, вылетѣли на Эжинскія высоты. Этимъ орламъ, называемымъ князьями-птицами, и почитаемымъ, какъ сошедшіе съ неба божества, приносятъ регулярно родовыя и индивидуальныя жертвы».

«Орелъ (хāҥ кӯҥ — царь человѣкъ), сообщаетъ далѣе В. А. Михайловъ, приноситъ людямъ счастье (встрѣча съ орломъ въ дорогѣ — счастливое предзнаменованіе), но, разгнѣванный, онъ посылаетъ самыя различныя болѣзни. Не только самъ орелъ очитается неприкосновеннымъ, но даже скотина, имъ задранная, становится табу: ее не закапываютъ, а сожигаютъ» (повидимому, считая ее избранной орломъ. Л. Ш.).

Аналогичное представленіе объ орлѣ, какъ божествѣ небеснаго цикла, находимъ у телеутовъ, гдѣ орелъ фигурируетъ среди божественныхъ птицъ Ак Ульгеня, царя небожителей, царя небеснаго міра. По другой версіи орелъ, какъ персонажъ солнечнаго цикла, фигурируетъ подъ именемъ суйла, и его рисуютъ въ видѣ беркута, съ конскими глазами — «обритками солнца и луны». Онъ спеціально стражъ человѣка[3].

У другихъ сибирскихъ инородцевъ о теогоническомъ положеніи орла

---

[1] Агапитовъ и Хангаловъ. Матер. для изуч. шаманства въ Сибири. Шаманство у бурятъ Иркут. губ., 1883 г.

[2] Излагаю по обширной рукописи его о шаманствѣ, представленной въ Академію для напечатанія въ «Сборникѣ Музея».

[3] По свидѣтельству В. А. Анохина, работа котораго о шаманствѣ у алтайцевъ нынѣ Музеемъ приготовлена къ печати.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что у большинства изъ нихъ (остяковъ, тунгусовъ[1], инородцевъ Архангельской губ.[2], также у народовъ Кавказа) орелъ считается неприкосновеннымъ. Объ остякахъ имѣемъ свидѣтельство Палласа, что «дерево, на которомъ орелъ гнѣздится нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, считается священнымъ, и орелъ заботливо оберегается. Нѣтъ большаго оскорбленія, чѣмъ когда проѣзжій убьетъ такого орла или разрушитъ его гнѣздо[3]. Гиляки ставятъ въ надгробный домикъ перья орла, необходимыя покойнику для благополучнаго прибытія на тотъ свѣтъ...

VI.

Перехожу теперь къ роли орла въ *шаманствѣ* у сибирскихъ инородцевъ. Въ этой области матеріалы болѣе обильны и свидѣтельствуютъ, какъ и многое другое въ сибирскомъ шаманствѣ, объ общемъ источникѣ происхожденія этого распространеннаго воззрѣнія на связь орла съ происхожденіемъ шаманства.

Начинаю съ бурятъ.

Объ орлѣ, какъ первомъ шаманѣ, у этого народа существуетъ двѣ легенды: одна — сообщаемая Агапитовымъ и Хангаловымъ (op. cit., стр. 113, 114), другая — А. В. Михайловымъ.

Согласно первой, западныя небесныя божества, создавшія человѣка, увидѣвъ, что восточныя (злыя) вредятъ людямъ, послали этимъ послѣднимъ на помощь орла, въ качествѣ шамана. Но, хотя орелъ помогалъ людямъ, послѣдніе не довѣряли ему, видя въ немъ простую птицу, а, главное, не понимали его языка. Тогда, по совѣту западныхъ божествъ, орелъ долженъ былъ передать свое званіе первому встрѣчному человѣку. Таковымъ оказалась женщина, съ которой орелъ вступилъ въ связь, и родившійся отъ этой женщины ребенокъ сталъ первымъ шаманомъ изъ людей. В. А. Михайловъ записалъ слѣдующую легенду. Орелъ прежде былъ шаманомъ, который превращался въ орла и леталъ по міру; по возвращеніи домой онъ снова превращался въ орла. Однажды, послѣ долгаго утомительнаго перелета, онъ проголодался и сѣлъ на павшую скотину и сталъ ѣсть ее, отчего осквернился и не могъ превратиться въ орла. (Разсказъ бурята Балаганскаго уѣзда, Бальбура). Кстати здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что у бурятъ, какъ у якутовъ, кузнечество связано съ орломъ. У нихъ есть цѣлые роды кузнецовъ-шамановъ, а изъ воззрѣнія, что первымъ шаманомъ былъ орелъ, вытекаетъ, что и кузнечество связано съ послѣднимъ, такъ какъ право на шаманство у бурятъ получается только по наслѣдству.

---

[1] Пекарскій и Цвѣтковъ. Очерки быта пріаянских тунгусовъ (Сборникъ Музея, II, 1, 1913), стр. 113.

[2] A. S. Schrenk. Reise nach dem N.-Osten des Europäischen Russlands, I, 168.

[3] Reise durch verschiedene Provinzen d. Rus. Reichs, 1776. B. III, стр. 61.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

У енисейскихъ остяковъ по этому вопросу сообщаетъ В. И. Анучинъ слѣдующее:

«Относительно появленія шамановъ на землѣ существуетъ два разсказа. По одному, первымъ шаманомъ былъ орелъ—ді, по другому—орелъ лишь научилъ человѣка шаманить. И въ томъ и въ другомъ случаѣ этотъ орелъ былъ двуглавымъ, при чемъ онъ лишился второй головы именно за то, что научилъ человѣка шаманить. Орлу отведена большая роль въ шаманскомъ ритуалѣ; его изображенія украшаютъ каждый шаманскій костюмъ. Убивать орла считается грѣхомъ; случайно найденное перо орла укрѣпляется на видномъ мѣстѣ въ чумѣ. Человѣкъ, нашедшій орленка, выпавшаго изъ гнѣзда, считаетъ это добрымъ для себя предзнаменованіемъ.

Въ назиданіе молодымъ шаманамъ, у енисейцевъ есть такая сказка. Одинъ шаманъ хвасталъ: «Я, говоритъ, теперь большой шаманъ». Орелъ спрашиваетъ: «Ты почему большой шаманъ?» Шаманъ говоритъ: «Я вчера на тотъ большой утесъ взобрался». Орелъ говоритъ: «Твой умъ гдѣ? Я на тотъ утесъ всегда испражняться летаю»[1].

У качинцевъ орла мы находимъ и въ роли родоначальника шамановъ, и въ то же время тотемнаго животнаго, эпонима и покровителя опредѣленнаго рода. По сообщенію С. Д. Майнагашева, бѣлый духъ, выбирающій шамановъ—родовой духъ исключительно сёка «Бӱрӱтъ» (беркута) и обитаетъ исключительно среди этого сёка, но изъ этого послѣдняго черезъ женщинъ, вышедшихъ замужъ въ другіе сёки, шаманскій даръ распространяется среди всего качинскаго народа.

У телеутовъ есть тоже сёк (родъ), носящій тотемное названіе беркутъ (меркет). Кстати интересно отмѣтить, что телеуты отождествляютъ орла съ Ильей пророкомъ. По сообщенію Л. Э. Каруновской, Илью называютъ Илья мури (мури—орелъ): Это Теӊери пуркан — небесный духъ, живущій на 12-мъ кате (небесной сферѣ). У ороченовъ забайкальскихъ, по сообщенію С. М. Широкогорова, хозяиномъ всѣхъ шамановъ считается существо, именуемое Тамныдíра — птица, хозяинъ грома и молніи.

Укажу, наконецъ, еще на одинъ любопытный примѣръ изъ этой области. На языкѣ гилякъ орелъ носитъ такое же названіе, какъ и шаманъ, именно, *чам*, что̀ несомнѣнно указываетъ на тѣсную связь шаманства съ орломъ.

У другихъ сибирскихъ инородцевъ аналогичныхъ легендъ о происхожденіи шаманства пока не констатировано, но имѣются другіе факты, свидѣтельствующіе о выдающейся роли орла въ шаманствѣ. Приводимъ нѣкоторые наиболѣе характерные факты изъ музейныхъ матеріаловъ (руко-

---

[1] Анучинъ, op. cit., стр. 23.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

писей и описаній шаманскихъ костюмовъ). По свидѣтельству г. Эпова[1], у тунгусскихъ шамановъ въ Забайкальѣ на Борзѣ, бурӯут, бѣлоголовый орелъ — хранитель и покровитель шамана. Изображеніе его изъ желѣза съ распростертыми крыльями помѣщается на желѣзной коронѣ шамана, на дужкахъ между рогами. Такая же птица на коронѣ у маньчжурскихъ шамановъ (въ музейномъ экземплярѣ отъ П. И. Воробьева). У телеутовъ, по свидѣтельству В. А. Анохина, орелъ называется Ульгень кужубай мӧркӱт— Ульгеня птица большой беркутъ, т. е. птица хозяина неба — онъ непремѣнный спутникъ и помощникъ шамана. Это онъ во время камланія сопутствуетъ ему въ его странствіяхъ на небо и въ подземный міръ, охраняя его отъ несчастій въ пути, а также отводитъ по назначенію жертвенныхъ животныхъ различнымъ божествамъ. Онъ между прочимъ угощаетъ призываемыхъ духовъ и уноситъ домой посуду изъ подъ браги. Его изображеніе вмѣстѣ съ 8-ью другими птицами всегда имѣется на бубнѣ, но изображеніе орла крупнѣе другихъ и между прочимъ рисуется бѣлой краской, какъ существо небеснаго порядка. Особенно важно отмѣтить изображеніе орла на одномъ изъ шаманскихъ онгоновъ у сойотовъ. На этомъ онгонѣ, на которомъ нашитъ цѣлый рядъ фигуръ — духовъ-покровителей, предковъ шамана, въ самомъ центрѣ вырѣзанная изъ бѣлой жести фигура человѣка съ орлиной головой, напоминающая подобную фигуру на *ассирійскомъ* барельефѣ, упомянутомъ выше (коллекція музея, № 1340—7).

Наконецъ, укажу, что у большинства сибирских народовъ на облаченіи шамана фигурируютъ части тѣла орла — кости, перья, когти (послѣднія, особенно у тунгусовъ — самыя могучія орудія шамана). Наконецъ, вѣроятно, въ связи съ орломъ шаманскій кафтанъ, по воззрѣніямъ инородцевъ, является изображеніемъ птицы. Согласно этому у тунгусовъ, енисейскихъ остяковъ и у многихъ другихъ инородцевъ кафтанъ выкраивается на подобіе птицы и обшивается длинной бахромой, символизирующей перья и крылья этой птицы.

VII.

Перехожу къ другимъ специфически индивидуальнымъ особенностямъ у сибирскихъ народовъ. У цѣлаго ряда послѣднихъ въ легендахъ о шаманахъ фигурируетъ, какъ у якутовъ и у финновъ, въ связи съ орломъ *міровое дерево*, чаще всего береза, далѣе, особое дерево каждаго отдѣльнаго шамана, съ которымъ связана его жизнь, и, наконецъ, эпизодъ вскормленія перваго шамана въ особой *люлькѣ* на березѣ.

О роли этихъ элементовъ у якутовъ мы подробно говорили выше. Весьма близко къ якутскому сюжету — легенда гольдская. Первый шаманъ

[1] Рукопись — описаніе шаманскаго костюма, хранящагося въ Музеѣ (Списокъ № 1879—22).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

по имени Хадо́ — солнечный персонажъ и въ то же время, подобно скандинавскому Одину, хозяинъ подземнаго міра — родился на березѣ, «близко около солнца», и былъ вскормленъ въ люлькѣ на этой березѣ. Выкормила его птица. Существуетъ три міровыхъ дерева: одно на небѣ (на немъ живутъ всѣ души до своего рожденія въ образѣ неоперившихся утиныхъ птенцовъ), другое — такое же въ подземномъ мірѣ, въ царствѣ мертвыхъ, третье — на землѣ. Это послѣднее носитъ названіе коңгор-джагда́, тоңдор-джагда́ — т. е. *береза* съ шаманскими принадлежностями. Съ этого дерева первый шаманъ Хадо́ и получилъ шаманскія принадлежности[1].

Интересно, что по якутской легендѣ происхожденіе шаманскихъ принадлежностей тоже связано съ міровымъ деревомъ. Они были приготовлены «творцомъ» у взрощенныхъ на землѣ трехъ деревьевъ (Васильевъ, 18), и можно думать, что они были повѣшены на одно изъ нихъ. Далѣе, какъ у якутовъ, каждый гольдскій шаманъ, также шаманы орочскіе и орокскіе, имѣютъ свои особые деревья, съ которыми связана ихъ жизнь и, кромѣ того, по внушенію духовъ, возлѣ своего дома они воздвигаютъ либо особыя деревья, либо изъ особо отобраннаго дерева высокій обтесанный столбъ, на стволѣ котораго вырѣзываютъ своихъ духовъ-помощниковъ, а на вершинѣ укрѣпляютъ громадное изображеніе птицы. Въ Музеѣ имѣется два такихъ монументальныхъ столба. Якутскіе шаманы, по описанію Васильева, воздвигаютъ особыя «шаманскія деревья» въ видѣ высокихъ шестовъ съ перекладинами, на подобіе лѣстницы, а на вершинѣ ихъ водружаютъ изображеніе птицы-орла (op. cit., рис. 16, стр. 17, 18, 19). Эти шесты, судя по эпитету «тӱспӓт» — непадающій, вѣчный, символизируютъ міровое дерево. По этому «дереву» самъ шаманъ или его молитвы восходятъ на небо. Даже у сибинцевъ, живущихъ въ Илійской области и Торбагатаѣ, совершенно уже отчуждившихся, начиная съ XVII столѣтія, отъ своихъ сородичей маньчжуровъ, сохранился тотъ же сюжетъ.

У нихъ, согласно сообщенію Н. Кроткова[2], при посвященіи, шаманъ долженъ подниматься по особо воздвигнутой вертикальной и укрѣпленной въ землѣ высокой лѣстницѣ, ступеньками которой служатъ мечи, для представленія небеснымъ духамъ. Ступени называются заставами (небесными). Такую же лѣстницу, поменьше, съ девятью ступенями, каждый шаманъ устраиваетъ въ своемъ домѣ. Эти лѣстницы несомнѣнно не что иное, какъ видоизмѣненіе мірового дерева. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его названіе

[1] Интересно сопоставить несомнѣнно общаго происхожденія названія для различныхъ шаманскихъ принадлежностей: гольдское, коңгор, куңгур, алтайское кунгру (подвѣски на внутренней стороне бубна); урянхайское кургура́, монгольское хонгерик; общетюркское тӱңӱр, (бубенъ).

[2] Краткія замѣтки о современномъ состояніи шаманства у Сибо, живущихъ въ Илійской Области и Тарбагатаѣ. СПб., 1912.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

чакурань — чернокожая береза (op. cit., 6, прим. 2). И роль орла въ шаманствѣ сохранилась у сибинцевъ. «Когда шаманъ, говоритъ Кротковъ, при лѣченіи болѣзни идетъ къ двери, ведущей на дворъ, и молится, онъ призываетъ къ себѣ на помощь, прежде всего, орловъ и ястреба (ibidem, 19).

Поразительно, что и у бурятъ центральный моментъ посвященія въ шаманы — это восхожденіе на особо воздвигнутое дерево, причемъ происходитъ его высшее пріобщеніе къ божествамъ путемъ бракосочетанія съ небесной дѣвой. И, далѣе, также, какъ у сибинцевъ, такое же дерево поменьше воздвигается въ его юртѣ.

Промежуточную форму между бурятскимъ деревомъ восхожденія на небо и сибинской лѣстницей находимъ у телеутовъ. Согласно сообщенію Л. Э. Каруновской, на торжественномъ праздникѣ сёка шаманъ камлаетъ передъ особо воздвигнутой березой съ 16 зарубками-ступеньками, соотвѣтствующими такъ называемымъ 16 катамъ — небеснымъ сферамъ. Среди алтайскихъ коллекцій В. А. Анохина въ Музеѣ имѣется подлинная лѣстница (№ 1853—27), по которой шаманъ восходитъ на небо.

Якутско-бурятскій мотивъ: береза — шаманъ — люлька находимъ и у южныхъ урянхайцевъ. По сообщенію проф. Б. Я. Владимірцова, у урянхайцевъ кошуна Barūn amoŋ есть особый родъ, отъ котораго произошли всѣ шаманы. Родъ этотъ такъ и называется Bō Khānākn Хано — шаманскій родъ. Родоначальникъ этого рода родился отъ небесной женщины, которая устроила ему люльку подъ березой, такъ чтобы березовый сокъ могъ попасть ему въ ротъ. У ороченовъ Забайкалья шаманъ тоже связанъ съ міровымъ деревомъ. Согласно объясненію С. М. Широкогорова къ переданному въ Музей шаманскому костюму, «на рисункѣ шаманскаго нагрудника, изображающемъ всѣ три міра (верхній, средній и нижній), фигурируетъ міровое дерево-лиственница (ирáкта), дерево, по которому шаманъ взбирается въ верхній міръ. Паденіе шамана съ этого дерева внизъ (повидимому, вмѣстѣ съ деревомъ) повлечетъ за собою гибель всего міра». У ороченовъ только вмѣсто громовой птицы — орла выступаетъ утка. Но подобную замѣну находимъ и у другихъ народовъ, какъ напримѣръ, у финновъ, гдѣ то фигурируетъ орелъ, то утка, или какъ у египтянъ, гдѣ героемъ космическаго яйца является гусь. Повидимому, эта замѣна связана съ сезоннымъ прилетомъ и отлетомъ какъ утки, такъ и орла.

По поводу «шаманскаго дерева» важно отмѣтить еще слѣдующее. Замѣчательно, что и у якутовъ, и у разныхъ тунгусскихъ народовъ, (а можетъ быть окажется, что и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ Сибири) оно носитъ одно и то же названіе туру́, торо́.

Откуда взялось это слово и что оно собственно означаетъ? В. Н. Васильевъ неправильно переводитъ его ничего не объясняющимъ словомъ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

«стояніе», смѣшивая его, какъ любезно мнѣ сообщилъ Э. К. Пекарскій, съ другимъ якутскимъ словомъ турӯ (от тур — стоять). Гольды, амгунцы и др. народности тунгусскіе, при разспросахъ о туру́, всѣ мнѣ отвѣчали: это — «дорога», желая выразить этимъ, что это дорога, по которой шаманъ или его молитва восходятъ къ небу. Очевидно, это — слово, которое не имѣетъ обыденного, бытового значенія. Вѣрнѣе всего смыслъ этого слова находимъ у ороченъ Забайкалья. У нихъ упомянутое изображеніе на шаманскомъ нагрудникѣ, представляющее всѣ три міра, и на которомъ фигурируетъ міровое дерево, называется, по сообщенію Широкогорова, туру́, и они прямо переводятъ это словомъ міръ. Отсюда, повидимому, и дерево міровое, корни котораго въ нижнемъ мірѣ, а крона въ верхнемъ, тоже получило названіе туру́.

По маньчжурски тура, дуру значитъ столбъ (сравни китайск. джу-столбъ, колонна). Но первоначально туру́ не могло означать «столбъ», ибо туру означаетъ, какъ у гольдовъ, напр., и дерево, водружаемое по внушенію духовъ, и первоначально, безъ сомнѣнія, воздвигались только деревья. Ороки и вовсе не воздвигаютъ столбовъ, а только деревья. Мало того, у всѣхъ амурскихъ тунгусовъ, передъ сезономъ охоты, избирается особое дерево въ лѣсу, на которомъ вырѣзывается изображеніе божества и по которому восходятъ молитвы охотника къ хозяину неба, и такое дерево тоже называется торо́. Очевидно, это слово не маньчжурскаго происхожденія.

Если это слово заимствовано, а, судя по всему, такъ оно и есть, то происхожденіе его, какъ и происхожденіе термина «шаманъ», нужно искать въ Индіи, гдѣ dru, taru въ санскритскомъ означаетъ дерево и гдѣ каждый Будда, а еще раньше, надо думать, каждый духовдохновенный, имѣлъ, какъ каждый шаманъ въ Сибири, свое особое дерево, съ которымъ связана его сила, такъ называемое bodhi taru, дерево мудрости, вѣдовства. Изъ Индіи же, повидимому, идетъ легенда о томъ, что на міровомъ деревѣ росли шаманскія принадлежности. Священное дерево Будды рисуется с листьями изъ сверкающихъ драгоцѣнностей. Въ Китаѣ заимствованныя изъ Индіи пагоды увѣшиваются колокольцами и другими металлическими побрякушками, которые служатъ принадлежностями шаманскаго костюма (серебряная модель такой пагоды имѣется въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи). А пагода съ ея постепенно съуживающимися кверху, подобно вѣтвямъ дерева, галлереями, безъ сомнѣнія, эволюціонная форма мірового дерева. Но, что болѣе всего говоритъ въ пользу происхожденія термина туру́ изъ Индіи, это слѣдующее. Среди «шаманскихъ деревьевъ» имѣются странные экземпляры *съ корнями обращенными кверху*. Одно такое дерево имѣется въ музеѣ Академіи (№ 2331 — 1) отъ орочей побережья Татарскаго пролива. Далѣе, во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, у гиляковъ, на могилахъ нѣкоторыхъ избранныхъ людей ставятъ тоже деревья съ вывороченными

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

корнями. И вотъ поразительно, что міровое дерево въ Индіи рисуется именно въ такомъ же видѣ. Въ Ката Упанишадахъ 6,1 читаемъ буквально слѣдующее: «Вверхъ корнями, внизъ вѣтвями вотъ вѣчный aśvattha (міровое дерево). Вотъ что чисто, вотъ что есть Брахма, вотъ что называется безсмертнымъ». Аналогичное описаніе въ Bhagavadgītā 15, 1—3[1].

Замѣчательно, что аналогичное представленіе о міровомъ деревѣ находимъ у древнихъ скандинавовъ. Дерево это имѣетъ три корня въ различныхъ мѣстахъ, и одинъ изъ нихъ на небѣ, т. е., обращенъ кверху[2].

Наконецъ, не могу не указать на то, что у маньчжуровъ персиковое дерево, которое у нихъ, какъ въ Китаѣ, играетъ большую роль въ миѳологіи, въ качествѣ древа солнца, древа жизни, носитъ названіе торо, какъ и шаманское дерево у тунгусскихъ народовъ.

VIII.

Сравнительный обзоръ культа орла, произведенный нами, позволяетъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) У разсмотрѣнныхъ нами народностей, наряду съ отдѣльными общечеловѣческими мотивами культа орла, имѣется общій комплексъ особенностей, вплоть до деталей, которыя должны быть признаны совершенно индивидуальными, только этой группѣ народовъ свойственными.

2) Особенности эти такого характера, что нахожденіе ихъ у отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ не можетъ быть результатомъ конвергентности. Онѣ должны были сложиться въ результатѣ былого тѣснаго общенія.

3) Комплексъ этихъ особенностей мы находимъ съ одной стороны у представителей всѣхъ урало-алтайскихъ народностей: маньчжуровъ, тунгусовъ, монголо-бурятъ, тюрокъ и финновъ, при чемъ наиболѣе полное совпаденіе находимъ у самыхъ дальнихъ урало-алтайцевъ: тюрковъ крайняго сѣверо-востока Сибири, у якутовъ, и у самыхъ западныхъ финновъ Европы.

Съ другой стороны этотъ же комплексъ находимъ у народовъ Средиземноморской культуры (въ обширномъ смыслѣ этого слова), начиная съ индійцвъ, иранцевъ, семитовъ, грековъ, римлянъ, и, наконецъ, у германцевъ.

4) Значительная роль, которую играетъ въ этомъ комплексѣ міровое дерево, ясно указываетъ, что источникъ его нужно искать не въ Сибири, а на далекомъ югѣ, хотя-бы на низинахъ побережья Персидскаго залива, тамъ, гдѣ эта концепція особенно широко развилась и гдѣ, по гео-ботаническимъ условіямъ, имѣлась наиболѣе благопріятная почва для зарожденія этой концепціи.

5) Наличность въ этомъ комплексѣ миѳа о связи орла съ кузнечествомъ, о связи металлическихъ принадлежностей шаманства съ міровымъ

[1] Указанной цитатой обязанъ М. И. Тубянскому.

[2] Ср. The Prose of the younger Edda, translated by Dasent, p. 16. Любопытно, что и у якутовъ міровое дерево съ тремя корнями (Іоновъ, op. cit., 10).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

деревомъ, опять таки несомнѣнно говоритъ о сравнительно позднемъ періодѣ культурныхъ связей между народами урало-алтайскаго круга и средиземноморскаго.

6) Культурная связь между этими послѣдними должна была быть очень тѣсной, потому что, въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло не со странствующимъ миѳомъ, который легко переносится отъ одного народа къ другому, а съ комплексомъ культовыхъ обрядностей и дѣйствій, какъ это мы видѣли въ церемоніи восхожденія на мировое дерево, въ изготовленіи особыхъ шаманскихъ столбовъ съ орломъ на верхушкѣ и т. д. Что такія вещи не легко и быстро заимствуются, видно изъ того, что айну, живущіе много вѣковъ рядомъ съ гиляками, до сихъ поръ въ своемъ шаманствѣ не знаютъ шаманскаго костюма, заимствовавъ отъ гиляковъ только бубенъ, который они не всегда употребляютъ, и то же можно сказать о сѣверныхъ палеоазіатахъ, чукчахъ и корякахъ, не знающихъ типичнаго шаманскаго костюма и совершенно оставшихся внѣ комплекса культа орла, несмотря на вѣковое сосѣдство съ тунгусскими народностями.

А изъ этого слѣдуетъ, что народы, причастные къ этому комплексу и нынѣ столь отдаленные другъ отъ друга, нѣкогда имѣли другое географическое распространеніе.

7) Съ другой стороны — совпаденіе терминовъ этого комплекса [*туру́* — для шаманскаго дерева, общность названій шаманскихъ принадлежностей, о которыхъ мы говорили выше, общее названіе бубна у гилякъ (хась), у бурятъ (хэсэ), у енисейцевъ (хать), у монголовъ (кеце), полное совпаденіе нѣкоторыхъ деталей бубна, особенно въ формѣ внутренней крестовины и въ орнаментальныхъ мотивахъ, совпаденіе термина шаманъ у большинства сибирскихъ народовъ съ индійскимъ терминомъ śramaṇa, samaṇa] — все это говоритъ за то, что комплексъ этотъ имѣлъ какой-то общій центръ происхожденія, откуда онъ постепенно распространился, послѣ долгаго странствованія перваго усвоившаго его народа и долгаго тѣснаго общенія или, быть можетъ, скрещиванія съ другими урало-алтайскими народами.

8) Крайне близкое совпаденіе деталей комплекса у якутовъ и у финновъ западныхъ позволяетъ предполагать непосредственное въ древности сосѣдство этихъ двухъ этническихъ группъ. Это подтверждается совпаденіемъ нѣкоторыхъ совершенно исключительныхъ деталей въ ихъ матеріальной культурѣ. Я имѣю ввиду въ особенности совершенно тождественную и своеобразную форму прикрѣпленія тетивы въ лукѣ и полное совпаденіе деталей орнамента на берестяной обшивкѣ лука у якутовъ и у всѣхъ финскихъ народностей, о чемъ я докладывалъ въ свое время въ Радловскомъ кружкѣ.

9) Если судить по полнотѣ деталей комплекса у якутовъ, по яркимъ слѣдамъ тотемизма, и по еще болѣе яркимъ слѣдамъ матернитета, въ такой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН

яркости ни у одного сибирскаго народа не встрѣчающагося, можно было бы заключить, что отъ нихъ распространился этотъ комплексъ среди народовъ Сибири. Но съ другой стороны, отсутствіе въ ихъ языкѣ термина saman для обозначенія шамана и нахожденіе, наоборотъ, этого термина у всѣхъ тунгусскихъ народностей вмѣстѣ съ терминомъ туру́, въ то время какъ у другихъ тюркскихъ народовъ, кромѣ якутовъ, этого послѣдняго не находимъ, и многое другое въ тунгусскомъ шаманствѣ говорило бы за пріоритетъ тунгусовъ. Но это уже вопросъ, тѣсно связанный съ общимъ вопросомъ о культѣ сибирскихъ народовъ, и рѣшать его отдѣльно не представляется возможнымъ.

10) Большой интересъ представляетъ любопытное совпаденіе нѣкоторыхъ чертъ въ культѣ орла у сибирскихъ народовъ съ нѣкоторыми сѣверо-американскими. У многихъ народовъ сѣверо-западной Америки орелъ не только пользуется поклоненіемъ, но часто служитъ тотемовъ отдѣльныхъ клановъ; съ нимъ, какъ въ Сибири, связываютъ происхожденіе шаманства. Но все это, пока мы бо́льшихъ деталей не знаемъ, еще не является показательнымъ. Поразительно только крайне близкое сходство слѣдующаго миѳа, который находимъ у пріа̀нскихъ тунгусовъ и у индѣйцевъ Сѣверной Америки.

«Вначалѣ земля была, разсказывала одна тунгуска, потомъ въ теченіе семи лѣтъ огонь былъ, земля кончилась. Все сдѣлалось потокомъ, моремъ; всѣ тунгусы сгорѣли, только мальчикъ съ дѣвочкой взлетѣли на небо, а изъ птицъ, не умирая, орелъ взлетѣлъ. Мальчикъ и дѣвочка летая спустилась туда, гдѣ море испарилось; вмѣстѣ съ ними спустился орелъ». (Пекарскій, op. cit., 114).

Аналогичную легенду разсказываютъ индѣйцы Дакоты въ связи съ потопомъ. Всѣ люди, разсказывается въ этой легендѣ, погибли, остались только одна женщина да орелъ, за ногу котораго она ухватилась и была вынесена имъ на высокую гору. Отъ этого орла и женщины произошли всѣ краснокожіе. Несмотря на различіе въ деталяхъ, общее въ обѣихъ легендахъ — что послѣ міровыхъ катастрофъ на землѣ остаются только человѣкъ и орелъ. Въ данномъ случаѣ легко можно предположить заимствованіе черезъ американоидныхъ палеоазіатовъ крайняго С.-В. Сибири.

Въ заключеніе позволительно выразить пожеланіе, чтобы, въ виду важности вопроса, будущіе изслѣдователи дополнили наши свѣдѣнія о комплексѣ культа орла, особенно въ связи съ міровымъ деревомъ у разныхъ народовъ Сибири. Относительно нѣкоторыхъ народностей мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ, а о другихъ очень мало. Въ общемъ, за исключеніемъ развѣ якутовъ, детальное обслѣдованіе этого вопроса у каждаго отдѣльнаго народа весьма настоятельно.

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ БИБЛИОТЕКА Академии Наук СССР

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_v_2/
© МАЭ РАН